

У памятника прошлому

В нашем маленьком древнем городке Переславле-Залесском, на Садовой улице, что идёт от Красной площади в сторону Проездной, приютилась маленькая древняя церковь, названная именем известного в своё время церковного и государственного деятеля Петра Митрополита. Это памятник шатрового зодчества. Время её постройки точно не известно, но архитектурные формы позволяют отнести возникновение храма к XVI веку. Он типичен для своего времени: на высоком подклете с галереями поставлено крестообразное основание, заканчивающееся закомарами, выше стоит восьмерик с подобными же украшениями, а на нём восьмигранный шатёр, заканчивающийся небольшим фонарём с грушевидной главой.

В верхнем этаже помещалась церковь с престолом во имя святого Петра Митрополита. Нижний этаж вначале служил для хранения государевой «пушечной и пороховой казны и свинца», по другим версиям, одно время в нём находились в заточении важные государственные преступники. Но в XVIII веке в нём уже была устроена церковь в честь архистратига Михаила.

Возникновение этого храма связывают с большим событием — Поместным собором, проходившим в Переславле в десятых годах XIV столетия, участником которого являлся московский митрополит Пётр, обвиняемый в симонии — продаже за деньги церковных должностей. Это, по сути дела, был очередной спор Москвы и Твери за первенство, и тверской князь пытался очернить могучего союзника московского князя — митрополита всея Руси с целью дискредитации его.

Собор был бурным, между той и другой стороной едва дело не доходило до оружия. На соборе митрополит Пётр доказал несостоятельность возведённых на него обвинений и собор вынес ему оправдательный приговор.

Митрополит Пётр сохранил добрую память о Переславле и собственноручно написал образ — икону Божией Матери со надписью: «написал сей образ в преславушем граде Москве от имени крепляющейся рукою Пётр Митрополит на благословение усердному прошателю в град Переславль».

Переславцы не остались в долгу и соорудили сперва деревянный, а потом каменный храм в честь московского покровителя Петра Митрополита.

На всём протяжении времени своего существования здание церкви неоднократно реставрировалось. Вместо ранее бывшей шатровой с кафельными украшениями колокольни в XIX веке с южной стороны пристроена двухъярусная с пролётами колокольня, не гармонирующая со старым храмом. Реставрация шла и в советское время.

Тревожно то, что с момента закрытия церкви как культового учреждения до сего дня здание не используется ни под какое полезное культурное или хозяйственное предприятие и по существу находится в бесхозном, безнадзорном состоянии, и это приводит к тому, что время, а главное — невежественные люди, гребущие под себя всё, что плохо лежит, растаскивают всё, что можно, из окружения памятника.

В ограде церкви приткнулась к стене бывшего Сретенского монастыря, а потом городского собора церковная сторожка площадью не более 20 квадратных метров. Когда-то входную дверь её с северной стороны предваряла маленькая деревянная пристройка для хозяйственных нужд. Внутри деревянная перегородка делила сторожку на две неравные части: малую восточную с русской печью и одним окном на юг и вторую — побольше, в два окна, одно на юг, другое на запад.

Сейчас в сторожке никто не живёт, ведь она в полуразрушенном состоянии. Пристройка у входа растаскана, оконные рамы выдраны, печь разобрана, перегородки нет, всё это маленькое

*Соболев, П. В. У памятника прошлому / П. В. Соболев // Коммунар. — 1996. — 30 августа. — С. 3.
Дополнено по рукописи в собрании Юлии Епишкиной.

и когда-то уютное помещение осквернено. И это — рядом с памятником XVI века, который показывают туристам.

Раньше сторожка была обитаема, содержалась в образцовом порядке, примерно до 50-х годов в ней жили монахини — насельницы бывшего Фёдоровского монастыря. О них следует рассказать подробнее.

Фёдоровский монастырь по сравнению с другими монастырями города был самым многолюдным, в нём жило до 500 монахинь и послушниц. Монастырь имел три пустыньки (филиальные отделения): Алексеевскую — близ села Выползова Слобода при дороге Москва—Ярославль, Воскресенскую — недалеко от местечка Ботик и Берендеевскую — при станции Берендеево. При первых двух имелись значительные земельные угодья, полученные монастырём в дар от разных богатых вкладчиков. Это позволяло вести сельскохозяйственные работы: полеводство, животноводство, овощеводство и садоводство, полностью обеспечивая себя этими видами продукции. Оставалось и на продажу. Кроме того, насельницы в самом монастыре и в пустыньках занимались и разнообразным рукоделием: ткали ковры, половики, шили гладью, золотом, вышивали церковные пелены, шили ризы, бельё, обувь, переплетали книги. При монастыре и пустыньках содержались четыре церковно-приходские школы.

Незадолго до революции старую, немощную игуменью Евгению сменила на этом посту её племянница — Олимпиада Матвеевна Мохова, вдова богатого московского купца, женщина энергичная, с мужским складом ума и характера и большими связями в московских духовных и купеческих кругах.

Под её руководством хозяйство монастыря ещё более укрепилось.

Революция в корне изменила положение монастыря, и хотя некоторое время Фёдоровский монастырь продолжал существовать как сельскохозяйственная трудовая артель, а игуменья Олимпиада прилагала всю свою смётку и изобретательность для его сохранения, вопрос был предрешён не в его пользу. В целом по стране монастыри закрывались, а монашеские коллективы распускались.

Переславский Фёдоровский монастырь был закрыт 1 марта 1923 года, а артель распущена 24 июня того же года. Трудно переживала это время игуменья Олимпиада, привыкшая к власти, почёту, достатку, любившая монастырское благолепие. Екатерине Дмитриевне Кардовской (семья Кардовских жила близ монастыря) такой запомнилась игуменья в то время: «В мягком кресле, высокая, гибкая и вместе с тем внушительная фигура игуменьи, чёрные одежды, окружающие её мягкими складками, придавали ей оттенок какой-то загадочности и таинственности. Она казалась твёрдой несокрушимой скалой, и только позвякивание чёрных чёток, обвивавших её тонкие холёные руки, выдавали внутреннее напряжение их обладательницы».

При закрытии монастыря были найдены личные вины игуменьи, и прежде всего — её нелояльность по отношению к советской власти, чего она и не скрывала. Она была арестована и выслана.

Большая семья монахинь и послушниц вынуждена была искать пристанище и пропитание по городам и весям страны. Часть устроилась в Переславле и уезде при действующих приходских церквях в качестве псаломщиц, уборщиц, сторожей. Устраивались и в другие организации, где только принимали на работу. Многие разъехались по родным и занимались рукоделием, шитьём белья, стеганием одеял и так далее. Некоторые, имеющие ремесло и таланты, не унывали. Мне запомнилась яркая фигура регентши хора Фёдоровского монастыря. Звали её, кажется, мать Софья. Это была женщина средних лет, бодрая, жизнерадостная, следящая за своей наружностью. По какому-то поводу она зашла к моей матери, обратила внимание на пианино, присела к нему, попробовала звучание и, взяв несколько аккордов, запела звучным голосом под свой аккомпанемент старинный романс:

Что нам до шумного света,
Что нам до праздной молвы,
Было бы сердце согрето
Жаром взаимной любви,

чем привела в смущение мою религиозную мать. А на меня этот романс в её исполнении произвёл чарующее впечатление и запомнился на всю жизнь. Регентша была талантлива, одна из приближённых к игуменье людей в монастыре. Вскоре она уехала в Москву, где, кажется, довольно сносно устроилась по тем временам благодаря недюжинному мастерству хормейстера.

Но большинство монахинь, особенно послушниц, не обладавших хорошими голосами или мастерством в рукоделии, и в монастыре несли тяжёлые физические послушания на полях,

скотных дворах и на других хозяйственных службах. Есть даром хлеб в монастыре никому не давали, исключение составляли только богатые вкладчицы, жившие в отдельных кельях или домах и даже с прислугой.

Когда игуменья Олимпиада была освобождена и возвратилась в Переславль, жить ей было негде, и её приютили в сторожке церкви Петра Митрополита две её бывшие подчинённые, насельницы монастыря. И не только приютили, но в полном смысле слова покоили её, оберегая от всех трудностей быта того времени.

Жили очень скромно, доходы были малые. Одна монахиня исправляла при церкви обязанности псаломщицы, а вторая — мать Антонина Верещагина выполняла обязанности уборщицы храма и сторожа, а потом одно время была в штате музея и открывала Преображенский (старый) собор для экскурсантов. Сама игуменья занималась рукоделием: вязала носки. Изредка, к большим праздникам, им оказывали небольшую помощь продуктами знакомые верующие, не забывали помощью свою настоятельницу и другие монахини, жившие поблизости.

Мать Антонина была маленькая подвижная старушка, всю свою жизнь в монастыре она исполняла послушания, связанные с уходом за скотом и полевыми работами, в грамоте разбиралась плохо. Ходила торопливыми мелкими шажками, носила на голове островерхий шлычок. Была ли она пострижена в монашеский чин или была послушницей, не знаю, но надо полагать, что последнее вернее. Но она была добра и отзывчива ко всем окружающим, верила искренне в священность всех церковных обрядов и благоговела перед своей матушкой игуменьей, и часто с радостью повторяла, что Бог ей привёл походить за матушкой, о чём в бытность свою в монастыре она не могла и мечтать. Пища её устраивала самая простая, а вот сном она дорожила, он её укреплял, а на него оставалось так мало времени.

Она ревностно ухаживала за могилой бывшего священника этой церкви отца Константина Снятиновского, похороненного в ограде против алтаря. Он был без суда и следствия расстрелян 5 апреля 1918 года по подозрению в участии в контрреволюционных выступлениях. Этот факт дикого произвола, конечно, был не в пользу молодой советской власти в городе, а верующие, да и неверующие люди пожилого возраста сразу приобщили священника Снятиновского к мученикам за веру Христову.

Когда в 1929 году собор Владимирской иконы Божьей Матери (расположенный рядом) был закрыт и всё его культовое оборудование и имущество вывозилось, мать Антонина увидела, что деревянный остов престола главного алтаря был выброшен у входа в собор. Её объял ужас и она доложила о таком святотатстве игуменье.

Все три старухи под руководством матери Олимпиады стали на молитву, а потом решили спасти святыню от поругания. Ночью, с великим страхом, с большим трудом перенесли (а где и катили) остов престола к сторожке. С помощью пилы и топора (действовала в основном мать Антонина) разняли его на части, тщательно очистили и подмели печной под, окропили его святой водой, после чего части престола сложили в печь и зажгли. А пока он горел, игуменья читала акафист Божией Матери, в честь иконы которой был освящён этот престол.

Помещение сторожки было невелико, но игуменья была отведена большая его часть, а две старушки ютились в кухоньке. В помещении поддерживались чистота и уют, у икон всегда теплилась лампада.

К концу жизни игуменьи при ней оставалась уже только одна мать Антонина, которая до конца её дней ухаживала за ней и глаза ей закрывала. А потом собрала в последний путь, одев её в полный монашеский чин. Игуменью Олимпиаду похоронили на кладбище Троицкой слободы.

И мать Антонина осталась в сторожке одна. Чувствуя приближение конца жизненного пути, мать Антонина просила похоронить её рядом с могилой матушки игуменьи. Воля её была исполнена. На могиле её был поставлен деревянный памятник, увенчанный крестом с надписью: «Антонина Верещагина, жития её было 94 года». Сейчас след этих могил затерялся.

Всё это рассказали люди, хорошо знавшие бывших насельниц Фёдоровского монастыря, проживавших в сторожке и охранявших архитектурный памятник.

Но вернёмся к сути вопроса о спасении памятника шатрового зодчества. Попытка создать при церкви общину верующих пока не увенчалась успехом. Да это и понятно, для её ремонта и внутреннего оборудования требуются значительные средства. Кроме того, по свидетельству архитектора И. Б. Пуришева, при недавнем осмотре здания были обнаружены трещины в нижних сводах, требующие неотложного ремонта с частичной их перекладкой, и до проведения этих ремонтных работ здание, как аварийное, использованию не подлежит. Пренебречь этим нельзя, печальные примеры мы уже имели: рухнувший 2 августа 1984 года главный купол собора

Никитского монастыря, обвалившаяся 18 июня 1987 года колокольня Смоленской-Корнилиевской церкви с братским корпусом. Хорошо, что обошлось без человеческих жертв.

Где же выход?

Памятник шатрового зодчества выгодно расположен в центре старого Переславля, рядом проходят все необходимые коммуникации: тепловая сеть, канализация, электролинии. Мы не так богаты, чтобы оставлять без применения здание, которое можно использовать — если не по прямому назначению, то под другие культурные или хозяйственные цели.

Совет народных депутатов нашего города (а теперь, по-новому, городская дума) среди многих сложных проблем и вопросов, стоящих перед ним, должен найти время для рассмотрения вопроса о разумном использовании не только этого, но и всех бесхозных памятников архитектуры, расположенных на территории города, с тем чтобы спасти их от окончательного разрушения.

П. Соболев.
1991.